

Поразмышлять о «мягком» социализме можно и за решеткой («Ты, проклятая жизнь!»).

На Сочинском международном кинофестивале, помимо конкурсных программ, было несколько любопытных ретроспектив. Одна из них — «Петер Бачо против Матяша Ракоши», подготовленная директором программ фестиваля Сергеем Лаврентьевым, — открыла для нас новое имя в венгерском кинематографе.

Все фильмы, представленные в этой ретроспективе, долгое время были запрещены к показу в самой Венгрии, ибо так или иначе обличали режим венгерского Сталина, Матяша Ракоши, послевоенного ставленника СССР. С именами режиссера-диссидента и венгерского диктатора произошла забавная накладка: наши журналисты, не разобравшись как следует, кто есть кто, написали где-то, что Сергей Лаврентьев привез ретроспективу фильмов Матяша Ракоши. Между прочим, после победы демократии в Венгрии Ракоши был выслан в СССР, и его могила находится где-то на сочинском побережье. «Ну что, — спросила я как-то Сережу, — посетим могилу Ракоши?» На что он мне ответил, что, мол, черт его знает, если верить нашим борзописцам, может, Ракоши жив, снимает кино и посетит следующий «Кинотавр».

Нынешний же «Кинотавр» посетил сам легендарный Петер Бачо. Мне удалось взять у него эксклюзивное интервью.

— Господин Бачо, посмотрев ваши фильмы, я удивилась одному очень существенному факту. Дело в том, что у нас в стране очень долгое время интеллигенция заблуждалась насчет социализма. Считалось, что Сталин просто несколько исказил изначально верную идею, что возможен так называемый социализм «с человеческим

лицом». Противостоя тоталитаризму по-венгерски, вы что, уже тогда понимали, что это невозможно по сути?

— Вы заблуждаетесь. Я тоже пережил иллюзию по поводу социализма. И мой фильм «Ты, проклятая жизнь!», показанный здесь, в Сочи, — в какой-то степени автобиографичен. Я был отъявленным «общественником», свято верящим в идеалы всеобщего братства, равенства и свободы. Ну и потом, естественно, меня постигло чудовищное разочарование.

В моей жизни был эпизод, когда генсек лично пригласил меня к себе. Там были роскошные экзотические фрукты, и я потихоньку взял апельсин со стола. И подарил его своей девушке, похваставшись, что это подарок самого Ракоши

— С чего оно началось?

— Когда я узнал, что самые преданные режиму люди, наивные и восторженные, были казнены. Это был толчок, чтобы мои прежние сомнения, которые уже начали закрадываться в душу, превратились в страшное чувство вины и греха. Ведь именно мы поддерживали режим Ракоши,

Вех. Москва. -2000.- 29 июня, с.6 Режиссер ПРОТИВ ДИКТАТОРА

Петер Бачо раньше свято верил в идеалы свободы, равенства и братства

значит, косвенно были повинны и в смерти этих людей. Я начал понимать, что жертвой этого Молоха падают именно самые чистые и восторженные. Мы вздохнули свободно только в 1953 году, после смерти Сталина. Как будто спало напряжение, лопнули облучи, сковывающие нас.

— Снимали ли вы при режиме Ракоши?

— Нет. Я писал сценарии, но к постановке меня не допускали. Хотя вначале, когда я безмерно увлекался идеями марксизма-ленинизма, мои фильмы нравились Ракоши, и в моей жизни даже был эпизод, когда генсек лично пригласил меня к себе, накрыв для нас великолепный стол, о каком в те голодные годы я даже не мечтал. Там были роскошные экзотические фрукты, и я потихоньку взял апельсин со стола. И подарил его своей девушке, похваставшись, что это подарок самого Ракоши. А она от благоговения не посмела его съесть — этот «священный» апельсин долго лежал у нее, уже съезженный, засохший.

(Этот биографический эпизод Петер Бачо использовал в фильме «Ты, проклятая жизнь!»: наивный учитель из беднейшей семьи, свято верящий в то, что диктатор не знает, что делают с людьми его приспешники, с гордостью показывает молодой актрисе, сосланной неизвестно за что за пределы Будапешта, сухой апельсин, подаренный ему самим Ракоши).

— Как вы пережили период, когда вам не давали работать? Многие наши режиссеры буквально свихнулись от вынужденного безделья.

— Картина «Свидетель», самый мой известный фильм, был

10 лет на полке, выйдя лишь в 1969 году. Странно, но после десятилетнего «отлеживания» он сразу же снискал успех в Канне, после чего 33 страны купили его для проката. Тем не

Меня постигло чудовищное разочарование, когда я узнал, что самые преданные режиму люди, наивные и восторженные, были казнены. Это был толчок, чтобы мои прежние сомнения превратились в страшное чувство вины и греха

менее он был запрещен. Но после Канна мне давали снимать каждый год по фильму. Таким образом я сделал 27 картин.

— Наша страна до сих пор переживает «послевкусие» тоталитаризма. «Хрусталева, машину!» и другие картины на эту тему ни в коем случае не могут быть фарсами для нас — слишком трагична наша история, мы потеряли 60 миллионов человек, как вы знаете. Как вам удается в фарсовой форме сказать всю правду о тоталитаризме, не погрешив против вкуса?

— Ну, во-первых, это мой стиль. Но баланс между трагедией и фарсом, на котором, я надеюсь, мне удастся удерживать свои картины, — действительно довольно сложная вещь.

— Не кажется ли вам, что в самом тоталитаризме, системе неестественного отбора, абсурд уже заложен изначально? Что это фарс сам по себе?

— Парадокс состоит в том, что снимая сатиру на эту тему, снимаешь на самом деле глубоко реалистическое кино. Мир был сам иррационален и самопародийен.

— В лоне какой традиции вы работаете? Кто из великих венгерских режиссеров повлиял на вас? Может, Иштван Сабо, Золтан Фабри? Кто-то другой?

— Я довольно долго работал с Фабри, написал все сценарии для его фильмов. Я высоко ценю Иштвана Сабо. Он — единственный в Венгрии, кто до сих пор — явление мировой культуры, а не только кумир местного значения. Хотя сейчас ему уже много лет, он до сих пор успешно работает.

— А молодые венгерские режиссеры продолжают традицию великой венгерской школы?

— Все относительно молодые режиссеры, известные сегодня в мире (Янош Сас, например), вышли из моей школы, где я преподавал. Это было в 81-м году, и я уже, честно говоря, их подзабыл. Тем более было приятно узнать через 20 лет, что из них получилось. Есть очень способная девушка Энеди Илдико, уже снявшая множество хороших фильмов, в одном из которых играл ваш Олег Янковский.

— Кто является для вас опорой в искусстве? Литература абсурда? Карел Чапек? Кафка?

— Кафка — конечно! Ну, я не буду говорить о венгерских писателях, не известных у вас в России...

— В России знают все — и венгерское, и японское, и чешское искусство. Мы же учимся не по программе, а, так сказать, для души...

— Все равно — Кафка. А в кино — Чаплин.

— И вот такой вопрос. Солженицын благодарил лагерь за опыт — пусть чудовищный.

А что вам дал опыт проживания жизни при тоталитаризме?

— У Венгрии несколько иной опыт, нежели у России. 56-й год дал Венгрии толчок для возрождения, и постепенно к власти пришли интеллигенты такого типа, которые были даже заинтересованы в оппозиционном искусстве. Это очень мудрая стратегия и, как ни странно, в Венгрии это есть до сих пор. Правительство финансирует фильмы, оппозиционные правительству!

— Но это же было потом. А вначале, сразу после восстания, когда начались репрессии, разве вы не испытывали давления властей?

— Да, лет пять я был изолирован от кинопроизводства. И если говорить о «положительном» плохом опыте, то за эти пять лет я, видимо, накопил энергию, чтобы работать в дальнейшем без передышки.

— И последний вопрос. Не боитесь ли вы, подобно большинству западных интеллигентов, такого опасного соседа как Россия?

— Я не настолько политизирован, чтобы предвидеть события заранее. Я очень много общаюсь с венгерскими славистами, много читаю о России, но скоропалительных выводов не стал бы делать. Власть всегда имеет опасную склонность накрениваться в сторону тоталитаризма — в той или иной форме. Такая опасность есть и в сегодняшней Венгрии. Хотя у нас не было крепостного права, но и демократических наработок не так уж много. Венгрия всегда была монархией.

P. S. Отсутствие фотографии Петера Бачо, увы, объясняется просто: классик категорически отказывается фотографироваться.

P.P.S. Автор благодарит за помощь в организации интервью исполнительного директора фестиваля Ситору Алиеву.